

Глубокий дворец, Дворец Лунчэнь.

Дворцовый сад представлял собой цветник размером в сто чжанов.

Пышные цветы под воздействием нескольких потоков сияния заплясали, превратившись в целое море цветочных брызг, устлавших каменные плиты плотным узорчатым ковром.

Посреди цветника гордо и величественно возвышалось Древо Пернатых Крыльев, одинокое и неподвластное брэнному миру.

Его крона была сплошь усыпана лунно-белыми алебардовидными листьями, в прожилках которых пульсировала алая, как кровь демонов преисподней, багровая жизнь. Казалось, это ослепительно белое цветение распустилось поверх демонической красноты, поражая воображение своей страшной красотой.

На этом дереве в полном одиночестве спала юная дева, чья чистота и красота казались божественными. Белоснежные шелковые ленты струились вокруг нее без всякого ветра, словно плывущие облака.

Цветочные духи источали разноцветные лучи, которые сплетались с кроваво-красными прожилками листьев Древа Пернатых Крыльев, соперничая друг с другом за право коснуться спящей девы. От этого ее чистый и отрешенный лик казался неземным — словно богиня, что безмятежно парит среди сияния небес.

Кровавый оттенок постепенно обретал новую жизнь в теле девушки.

Фэн Чунхуа ступил на ковер из цветов и замер посреди цветочного дождя.

На властном лице святого императора Небесной Династии Цяньюань неизменно лежала печать суровых испытаний.

Глядя на хрупкий силуэт на дереве, Фэн Чунхуа заставил закружиться в ладони световое кольцо, которое откликалось на цветы и дерево. В тот же миг казалось, что свет перерождения прорвался сквозь лунный свет и распустился, озарив Дворец Лунчэнь до самого джерела.

Спустя час Фэн Чунхуа отвел внутреннюю ци и восстановил дыхание. Подняв голову, он уже смотрел на дочь взглядом, полным отцовской нежности:

— Сихэ, просыпайся.

Девушка на Древе Пернатых Крыльев медленно открыла глаза — ее взгляд был глубоким и ясным, казалось, он способен прозреть все вещи на свете и заглянуть в самые сокровенные

тайны живых существ.

Она поднялась, плавно распрямила стан и легко опустилась перед Фэн Чунхуа, воздав должное:

— Отец.

Фэн Чунхуа поддержал Фэн Сихэ за запястье и участливо спросил:

— Нет ли у тебя дурного самочувствия?

— Благодарю за заботу, отец.

Фэн Сихэ посмотрела на алебардовидный лист Древа Пернатых Крыльев, в лунно-белой глади которого проступали багровые прожилки. Ее взгляд оставался глубоким, не колеблясь ни на йоту:

— Девять дней. Каждый год в день моего рождения я погружаю себя в сон на Древе Пернатых Крыльев ровно на девять дней. Проснувшись, я чувствую лишь прилив духовных сил — с чего бы мне чувствовать себя плохо?

Она на мгновение замолкла, словно собиралась что-то сказать, но вовремя остановилась. Спустя долгое время ледяная глубина на дне ее глаз превратилась в легкую рябь:

— Отец, посмотри, оно растет всё пышнее.

Меланхолия в глазах Фэн Чунхуа мелькнула и исчезла:

— Оно связано с твоей кровью. Чем пышнее оно растет, тем мощнее твоя духовная сила. И это прекрасно.

Лунный свет струился бесконечной прохладой.

Пышный дворец сиял словно днем.

Внезапно черная тень ступила на лунную дорожку, шагая по облакам вдоль лунных лучей на самой крыше дворца. В этот момент фигура точно совпала с центром лунного диска, а ее черные одежды затрепетали и взметнулись назад.

Фэн Сихэ холодно усмехнулась, и в этой улыбке промелькнула доля милосердия.

Смеющийся прорваться в императорский дворец будет казен.

Белый силуэт по взмаху руки Фэн Сихэ взмыл вверх из пелены летящих цветов. Сияние переплелось, раздался непрекращающийся драконий рев, и клинок, прямой и яркий, словно утреннее солнце, мгновенно взмыл в самый центр луны.

Но стоило этому листу Древа Пернатых Крыльев соприкоснуться с черной тенью, как та вмиг растворилась без следа, растаяв легкой дымкой под лунным светом.

Фэн Сихэ опустила руку, излучавшую сияние, и посмотрела на лунный диск, на котором, казалось, никогда не ступала нога ни единого живого существа:

— Как забавно.

Фэн Чунхуа тоже перевел взгляд на струйку дыма:

— С самого детства, стоило Сихэ сделать хоть движение, она никогда не промахивалась. Эта черная тень заставила Сихэ нарушить давнее правило — поистине забавно.

Фэн Сихэ задумчиво произнесла:

— Древо Пернатых Крыльев связано со мной душой и разумом, однако только что, когда я нанесла удар, я словно шагнула в пустоту и не почувствовала от противника ни малейшей крупницы духовной силы.

Фэн Чунхуа лишь усмехнулся:

— Выходит, во всем дворце нашелся кто-то, с кем моя дочь не может справиться.

Фэн Сихэ покачала головой:

— Это не придворный спарринг-партнер, этот человек пришел извне. Отец не заметил его лишь потому, что он воспользовался тем самым часом. Черная тень — не плоть и кровь, она больше похожа на иллюзию, призванную запутать следы. Из-за этой мгновенной заминки он, должно быть, уже покинул дворец.

Стража по большей раз оказалась бесполезна — допустить, чтобы кто-то посторонний ворвался в священные пределы императорского дворца.

Одного часа было более чем достаточно для любых дел.

Фэн Чунхуа резко рявкнул:

— Эй, стража...

Брови Фэн Сихэ слегка сошлись на переносице, и она тихо произнесла:

— Отец, это Мавзолей Погребенных Звезд. Боюсь, дело требует секретности, нельзя допустить утечки вестей.

Фэн Чунхуа вздрогнул, внезапно ступил на опавшие цветы и большими шагами направился прочь.

К императорской страже, сбежавшейся со всех сторон, еще не пришло полное осознание масштаба беды, но по спинам уже пробежал леденящий холод. Солдаты плашмя рухнули на колени:

— Святой император! Ее высочество!

— Охраняйте Дворец Лунчэнь, патрулируйте как обычно.

Бросив этот приказ, Фэн Сихэ направилась к Мавзолею Погребенных Звезд.

Мавзолей Погребенных Звезд — запретная зона императорского дворца.

Если какое-то место называют запретной зоной, на то есть две причины: либо там хранятся непостижимые сокровища, неподвластные смертным, либо сама земля обладает силой, способной уничтожить небо и землю, и выжить там попросту невозможно.

Мавзолей Погребенных Звезд являлся как раз такой совершенно секретной мертвой зоной, объединяющей в себе оба этих ужаса.

А всё потому, что там хранились две реликвии, поддерживающие хрупкий мир в Поднебесной.

Первая — священный предмет Юймин.

Вторая — меч, защищающий государство Династии Линъюй.

Бай Ю, Меч Сюаньтянь.

Бай Ю способна вернуть плоть мертвым костям, а живым даровать вечную молодость и

красоту. Юймин располагался в Гуйюй — конечной обители увядания всех душ, и то, что сородичи обретали там вечную жизнь, было напрямую связано со священным предметом Бай Ю.

На девятнадцатый год правления Цяньюань святой император Небесной Династии Фэн Чунхуа перенес поле боя за господство над Поднебесной к воротам Юймин. Спасая свою страну от гибели, правитель Юймин преподнес Бай Ю в дар Фэн Чунхуа в обмен на передышку, после чего скрылся со своими подданными в мире смертных и с тех пор не вмешивался в дела Поднебесной.

Меч Сюаньтянь был выкован пятьсот лет назад правителем Государства Линьюй, который прибегнул к помощи собственной первородной души и испросил защиты у богов. Говорят, что во времяковки божественного меча мастер насильственно запечатал внутри него духовные сущности девяти небесных драконов, благодаря чему этот клинок занял самую первую строчку в Каталоге Божественных Оружий.

Ходили слухи, что тот, кто сумеет призвать духов девяти драконов, станет истинным владыкой небес и земли. Этот меч издавна почитался в Государстве Линьюй как реликвия, хранящая государственность.

На тридцать второй год правления Цяньюань Фэн Чунхуа повел войска на Линьюй. Линьюй потерпел поражение, правитель погиб смертью храбрых, а государственный наставник, желая спасти царский род от истребления, выдал принцессу Мо Ханьи в качестве заложницы и преподнес меч в знак мира. Впоследствии этот меч и был запечатан в Мавзолее Погребенных Звезд.

Это событие разрушило хрупкое равновесие на четырех окраинах Цзючжоу.

Поэтому внутри Мавзолея Погребенных Звезд было расставлено пять смертельных ловушек, превративших его в непреступную цитадель.

Массив Самострелов, Карающих Бессмертных. При срабатывании выпускает тучу стрел, создавая смертоносную бурю и автоматически отслеживая ауру всего живого.

Разъедающий Кости Мрачный Источник. Смесь духовных червей и зыбучих песков, которая не только мгновенно поглощает человека, но и разъедает защитную ци культиватора.

Путь Истинного Огня Южного Мин. Огненные узоры на земле: стоит к ним прикоснуться — пламя уже не погасить, оно сожжет всё дотла и испепелит саму душу.

Массив Таинственного Ледяного Девяти Пула. Морозный ци способен не только заморозить плоть, но и сковать море ци в даньтяне вместе с духовным сознанием, мгновенно превращая жертву в ледяную статую.

Платформа Вопросания Сердца. Это как раз та каменная платформа, на которой покоились две реликвии. Любой, кто ступит на нее, позволит самым глубоким кошмарам проникнуть в свое море сознания и навечно запереть душу в ловушке иллюзий; если же упорствовать и попытаться силой прорвать морок, душа и тело будут уничтожены.

Пять смертельных ловушек, преодолеть которые целиком не под силу ни одному величайшему мастеру боевых искусств, с виду выглядели так, будто в них никогда не ступала нога человека.

Однако Бай Ю на жертвенном алтаре бесследно исчезла.

Фэн Сихэ стояла на Платформе Вопросания Сердца, касаясь пальцами пустого ларца, где покоилась Бай Ю, и спокойно произнесла:

— Судьба Бай Ю неизвестна. Когда об этом узнают в Юймин, их правитель непременно пойдет войной. Пусть в прошлом они и потерпели поражение от нашей династии, но за два с лишним десятка лет мощь Юймин наверняка возросла до неисчислимых пределов. Нельзя не подготовиться к этому.

Тяжелая аура разрушила безмятежность лунной ночи, и по округности волнами разошлась въевшаяся в кости ярость. Фэн Чунхуа произнес:

— Вот почему нельзя допустить утечки слухов.

Фэн Сихэ:

— Не разглашать весть не значит оставить вора без жесточайшей казни.

— Проникнуть в императорский дворец, не встревожив высших мастеров внутренних покоев! Стража расставлена на каждом шагу, а он прошел сквозь них словно сквозь пустой воздух. Бесшумно преодолеть пять рубежей обороны запретной зоны и уйти невредимым — много ли в Поднебесной найдется тех, кто на это способен?

Ярость Фэн Чунхуа бушевала не из-за пропажи Бай Ю, а оттого, что кто-то преодолел пять линий обороны, а он даже не заметил этого.

А это значило, что ситуация в Поднебесной начала выходить из-под его контроля, и появилась сила, способная разрушить это тихое затишье.

Фэн Сихэ тщательно исследовала следы, которые мог оставить вор, и задумчиво промолвила:

— Защитные массивы кто-то контролировал. Было мгновение, когда они дали сбой, и этот вор воспользовался именно им, чтобы забрать Бай Ю. Обладать подобным мастерством... боюсь,

высших мастеров внутренних покоев и стражников императорской гвардии он считал просто за манекены.

Взгляд Фэн Чунхуа приковался к жертвенному алтарю, устремившись на другую запечатанную реликвию — Меч Сюаньтянь:

— Вызвать сбой в защите и в мгновение ока похитить Бай Ю — в одиночку такое проделать абсолютно невозможно. Если за этим не стоит нападение Юймин, то, возможно, это дело рук какой-то цзянхуской организации, постигшей тайны гадания и магии цимэнь дуньцзя.

Взгляд Фэн Сихэ слегка опустился, легкий ветерок скользнул по двору, и изящная рука скрылась в рукаве:

— Дочь помнит слова отца о том, что, когда правитель Юймин преподнес в дар Бай Ю, он оставил след своей ладони на опорном столбе нашей столицы со словами: пока цел Бай Ю — в мире покой, коль погибнет Бай Ю — быть кровавой смуте. Если он замышляет реванш, то вполне может использовать пропажу Бай Ю как предлог для справедливого похода.

— Я, разумеется, не боюсь нападения Юймин, — Фэн Чунхуа смотрел на пустой алтарь, и его лицо было мрачно. — Но эта вещь ни в коем случае не должна попасть в руки подлой черни из цзянху. Со временем, даже если у правителя Юймин не было таких намерений изначально, он неизбежно догадается.

Фэн Сихэ торжественно произнесла:

— Отец, дочь просит позволения покинуть дворец и вернуть реликвию.

Фэн Чунхуа перевел тяжелый взгляд на Фэн Сихэ:

— Отец знает, что у тебя есть друг в цзянху, но твой опыт в боевых искусствах еще невелик, и без отцовской защиты тебе придется несладко в большом мире. У меня уже есть свои планы на поимку вора.

При упоминании этого друга взгляд Фэн Сихэ мгновенно оледенел:

— Отец, сокровище запретной зоны похищено. Если об этом станет широко известно, весть дойдет до царства Юймин или других земель, и тогда бедствий не оберешься. Пусть отец и не страдает от страха перед Юймин, сейчас явно не время встречать врага с запада. Лучший способ минимизировать убытки — вернуть всё немедленно. Чтобы избежать любых случайностей, об этом деле, разумеется, не должен узнать третий человек. Кого бы отец ни назначил на это задание, после его завершения свидетелей придется предать мечу, иначе не добиться абсолютной надежности. Разве в таком случае дочь не идеальная кандидатура?

Фэн Чунхуа помрачнел:

— Сихэ, хоть ты и лучшая кандидатура, но, сделав этот шаг, ты завершишь свою жизнь в тепличных условиях и с этого момента будешь обязана взвалить на плечи великий груз государственных забот. К этому нельзя относиться как к детской забаве.

В глазах Фэн Сихэ мелькнула скрытая решимость:

— Дочь понимает: ступить в большой мир — значит принять уготованное судьбой испытание, отыскать способ получить признание пяти духов. Если не отыскать их или не получить их благословения, это значит, что после ухода отца некому будет унаследовать великий престол, и Небесная Династия вернется к состоянию изначальной раздробленности. У отца лишь одна дочь, и как бы вы ни прятали меня в цветочнике, этот день неизбежно должен был настать. Разве не убить двух зайцев одним выстрелом — использовать инцидент с Бай Ю для их поисков?

Фэн Чунхуа посмотрел на нее, и в его глазах промелькнула капля нежности:

— Сихэ, отец просто не хотел, чтобы ты так рано погружалась в самую гущу политической борьбы.

— Мне уже семнадцать, — повторила Фэн Сихэ. — Мне исполняется семнадцать, и отец говорил, что после достижения восемнадцати лет дочь сможет свободно скакать по миру и стать истинной повелительницей. Просто это произошло чуть раньше, чем планировалось.

— Но всё же на год раньше... В мире слишком много переменных, и любая незначительная мелочь за этот год может стать смертельным ударом для тебя. Ты должна была свободно распускаться, подобно цветку, и когда-то отец признал закон Пяти духов, устанавливающий порядок...

На душе стало горько, словно кто-то опрокинул чашку с чаем. Закон Пяти духов утверждался лишь ради исполнения одной-единственной клятвы, но теперь от тех чувств не осталось и следа. Неужели всё это должна расхлебывать его дочь?

Фэн Сихэ заметила состояние отца и бодро произнесла:

— Дочь знает: в начале основания государства, дабы укрепить власть, отцу ради компромисса пришлось утвердить государственную политику Пяти духов. Разве годы отцовской заботы и обучения не преследовали цель однажды позволить дочери собственной волей заслужить их признание?

Фэн Чунхуа вздохнул. Разве закон Пяти духов был так прост? Но, глядя на твердый взгляд Фэн Сихэ, он был вынужден отбросить смятение в мыслях и мягко произнес:

— Раз уж ты всё решила, отец разрешает тебе выйти в большой мир. Будь осторожна во всем.

— Слушаюсь, отец, — Фэн Сихэ склонила голову. — Прошу отца даровать мне право единолично решать все вопросы, касающиеся Бай Ю.

На миг в глазах Фэн Чунхуа промелькнула глубокая задумчивость:

— Разрешаю. Если Сихэ понадобится любая помощь, печать принцессы имеет такую же силу, как мое личное присутствие.

— Благодарю, отец, — Фэн Сихэ сложила руки в поклоне.

Прежде чем отправиться в путь, ей нужно кое с кем увидеться.

<http://bllate.org/book/21826/2260522>